ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY

CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY

RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

74

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2021 Issue 74

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2021 Выпуск 74

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 74

М.: Аквилон, 2021. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 74

Moscow: Aquilo-Press, 2021. — 432 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2021
© Институт всеобщей истории, 2021
© Издательство «Аквилон», 2021
© Журнал «Диалог со временем», 2021
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

АКВИЛОН

ОБРАЗЫ, МИФЫ, СИМВОЛЫ

А. М. Сморчков

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В САКРАЛЬНОЙ ЛЕГИТИМАЦИИ РИМСКОЙ МАГИСТРАТСКОЙ ВЛАСТИ[1]

В статье анализируются ритуалы при вступлении в должность высших римских магистратов, совершавшиеся вне Рима, а именно, на Альбанской горе и в Лавинии. Связующим звеном между ритуалами непосредственно в Риме и вне его являлось право ауспиций, которое было религиозной основой магистратской власти в Риме. Ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф, став неотъемлемой частью римского самосознания, закреплялся в религиозно-политическом ритуале, в свою очередь обеспечив удивительную живучесть самих обрядов даже тогда, когда их политическое значение потеряло свою актуальность.

***Ключевые слова**: древний Рим, магистратура, легитимация власти, ауспиции, миф, Латинское празднество, Лавиний*

Уникальность римской политической организации, прежде всего республиканской, не подлежит сомнению. Ведь впервые в истории было создано крупное территориальное государство, управляемое коллективной волей. Римский политический гений уже в начале своей государственности проявился в удачной адаптации чужого опыта при умелом и органичном сохранении принципиальных основ собственной идентичности. Конечно, при обращении к столь давним временам трудно, а зачастую невозможно верифицировать сведения античной традиции. Порой на помощь приходит археология, но ее данные не однозначны. Тем не менее, нарративная традиция вкупе с археологией весьма близко соответствует тем фактам, которые мы знаем о процессах политогенеза в других ранних обществах. Специфической чертой сакрального оформления возникающей политической власти в Риме стала, на мой взгляд, сакрализация самой власти, а не ее носителей[2]. Эта сущностная черта была унаследована и республиканской магистратурой, выразившись, прежде всего, в особой религиозно-политической значимости процедуры избрания новых руководителей и обретения ими власти.

Обращает на себя внимание, что ряд обязательных актов, совершаемых при вступлении в должность новоизбранных магистратов в Риме, осуществлялся вне Рима, на территории Лация. Особое значение для легитимации новой власти играл ритуал, происходивший на Альбанской горе практически в центре Лация, рядом с местом, где некогда находил-

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Дискурс государственной власти в древних обществах и рецепция его элементов в мировых и российских общественно-политических практиках» (№ 19-18-00549).

[2] Сморчков 2012: 87-89; 142.

ся город Альба Лонга, считавшийся метрополией Рима. Это современная гора Monte Cavo (высотой 950 м) примерно в 20 км к юго-востоку от Рима. Рядом находились еще два общелатинских священных центра – роща (lucus) Ферентины, где проходили собрания латинов, и святилище и роща Дианы Лесной (Nemorensis) со знаменитым «священным царем»[3]. В начале своего должностного срока консулы, помимо прочих ритуалов, совершаемых в Риме, назначали день Латинских торжеств в честь Юпитера Латиариса. Дата празднества была подвижной, т.е. оно относилось к feriae conceptivae[4]. Решение консулов подтверждал сенатус-консульт (*Cic.* Fam. VIII. 6. 3). Хотя о нем упомянул лишь Цицерон в частном письме по конкретному поводу, но такая практика была обычной, поскольку именно сенат принимал решение о необходимых священнодействиях и требуемых расходах. Консулы, помимо назначения дня Латинского праздника, осуществляли составлявшие его обряды[5].

В наши задачи не входит полный анализ Латинского праздника на Альбанской горе и его эволюции, а потому ограничимся обзором основных элементов. Рассматриваемый культ уходит корнями в очень глубокую древность[6]. Начавшись с одного дня, праздник стал справляться четыре[7] (*Dionys.* AR. VI. 95. 3; *Plut.* Camil. 42) при живом участии публики. Проходил он не только на Альбанской горе, но также в Риме и других городах. В Риме, в частности, устраивали скачки квадриг на Капитолии (*Plin.* NH. XXVII. 45). Возникнув еще до основания Рима, этот культ на определенном этапе стал важным элементом легитимации новоизбранной высшей власти именно в Риме и сохранил такое значение до самого конца Республики (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4). Более того, меняясь и приспосабливаясь, Латинский праздник отмечался вплоть до полной победы христианства в конце IV в.[8] Другим примером ритуала, возникшего до основания Рима, но пережившего даже его условное «падение», являются Луперкалии 15 февраля. В их случае причина живучести заключалась в том, что этот праздник, чей характер и цели со временем эволюционировали, стал неотъемлемой частью годичного круга народных празднеств независимо даже от его религиозного содержания (он отмечался и после официальной победы христианства), войдя в «плоть и кровь» повседневной жизни. Но и причины долгого бытования Латинского праздника, казалось бы, являвшегося органичной частью полити-

[3] Об этих и других религиозных местах в окрестностях Альбы (с опорой на археологические и эпиграфические данные) см.: Stassi 2014: 7-24.
[4] *Varro*. LL. VI. 25; *Macr*. Sat. I. 16. 6.
[5] *Cic.* Div. I. 18; Ad Q. fr. II. 4a. 2; Ad fam. VIII. 6. 3; *Liv.* V. 17. 2; 52. 8; XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLI. 16. 1-3; 5; 7; XLII. 10. 15; 35. 3; XLIV. 17. 8; 19. 4; 21. 3; 22. 16; *Dio Cass.* XLVI. 33. 4; LIV. 29. 7. Сводку данных о состоявшихся Латинских празднествах см.: Wernerus 1888: 57-63.
[6] Подробный анализ см.: Simón 2011: 119-122.
[7] Wernerus 1888: 22-24; Simón 2011: 117, n. 4. О сомнениях см.: Grandazzi 2008: 583-584; Smith 2012: 272-273.
[8] Wernerus 1888: 62-63; Samter 1909. Sp. 2216; Simón 2011: 116; 131.

ческой практики, причем республиканской, также имеют религиозное объяснение, о чем пойдет речь далее.

Итак, рассматриваемый ритуал, проходивший довольно далеко от Рима, занимал важное место в религиозно-политической организации собственно Рима. Он уникален уже тем, что в процессии на Альбанскую гору принимали участие все римские должностные лица[9], включая плебейских трибунов, которые обычно не покидали Рим (*Dionys.* VIII. 87. 6). На время отсутствия магистратов назначался специальный городской префект (praefectus urbi feriarum Latinarum causa)[10]. Таким образом, территориально политическая власть из Рима перемещалась в сакральный центр Лация, к некогда существовавшему городу Альба Лонга[11], который считался прародителем латинских городов. На горе найдены фрагменты составленных при Августе фаст feriarum Latinarum[12], относящиеся к периоду от 451 г. до н.э. до 109 г. н.э. Внимание к фиксации должностных лиц, проводивших церемонию, опять же подчеркивает политическое значение этого религиозного ритуала.

Вместе с римскими магистратами в священнодействиях участвовали представители общин Лация[13]. Ритуалы демонстрируют ведущее положение Рима: латины возносили молитву за римский народ квиритов (*Liv.* XLI. 16. 1), а свою долю жертвенного мяса (очень важный элемент церемонии[14]) просили у римлян (carnem petere[15]). При всех сложностях верификации данных традиции вряд ли можно усомниться в стремлении Рима уже на ранних этапах утвердить свое религиозно-политическое первенство среди родственных латинов, союз с которыми явился одним из важных факторов римских успехов на первом этапе экспансии. В традиции отражена попытка создать такой центр непосредственно рядом с Римом: Сервию Туллию приписывалось учреждение общелатинского культа Дианы вокруг ее храма на Авентине[16]. С этим храмом связан один из элементов «римского мифа», т.е. одно из хрестоматийных знамений грядущего владычества Рима над всем кругом земель, причем в легендарной истории столкнулись римлянин и сабинянин[17].

[9] *Strabo*. V. 3. 2; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

[10] CIL VI. № 1421 (118 г. н.э.); D. I. 2. 2. 33; *Strabo*. V. 3. 2; *Suet.* Claud. IV. 3; Ner. VII. 2; *Tac*. Ann. VI. 11; *Gell.* XIV. 8. 1; *Dio Cass.* XLI. 14. 4; XLIII. 48. 4; XLIX. 16. 2; 42. 1; LIII. 33. 3; LIV. 6. 6; 17. 2; SHA. IV. 4. 6. Список префектов см.: Wernerus 1888: 47-56.

[11] Подробный анализ см.: Grandazzi 2008. Ch. VIII. Les errances d'une ville fantôme ou la localisation d'Albe: 445-514.

[12] CIL. I. Ed. 2: 56-59.

[13] *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Planc. 23; *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XLI. 16. 1-5; *Dionys.* IV. 49; VIII. 87. 6; *Strabo.* V. 3. 2; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Ср.: De vir. ill. VIII. 2; *Macr.* Sat. I. 16. 16-17; Schol. Bob: 154-155 (Stangl).

[14] *Dionys.* AR. IV. 49. 3; *Plin.* NH. III. 69; *Serv.* Ad Aen. I. 211. Нарушения этого ритуала служили одной из причин повторного проведения Латинского празднества: *Liv.* XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4.

[15] *Varro.* LL. VI. 25; *Cic.* Pro Planc. 23 (ad loc.: Schol. Bob: 154 (Stangl)).

[16] Ср.: *Liv.* I. 45. 1-3; *Dionys.* AR. IV. 25. 3-6; 26. 1-5; De vir. ill. VII. 9.

[17] Ср.: *Liv.* I. 45. 4-7; *Val. Max.* VII. 3. 1; *Plut.* QR. 4 (*Mor.* 264c-d); De vir. ill. VII. 10-14.

Святилище находилось за чертой померия, что хорошо соответствовало предназначенной ему роли явно в противовес общелатинскому культу Дианы Арицийской рядом с Альбанской горой. Эта попытка не дала прочных результатов в отличие от установления контроля Рима над культом Юпитера Латиариса при одном из Тарквиниев, что было закреплено, по всей видимости, после Первой римско-латинской войны в начале Республики. После выхода экспансии Рима за пределы Лация осуществление Латинского празднества, возможно, трансформировалось в идею более широкой гегемонии[18].

В эпоху Республики Латинское празднество завершало серию обязательных актов, которые должны были исполнить консулы при вступлении в должность, и лишь после осуществления ритуала на Альбанской горе они могли отправиться в свою провинцию[19]. Наиболее подробный перечень таких актов, хотя неполный (не упомянут куриатный закон об империи), дает Ливий при описании возмущения сенаторов поспешным отъездом из Рима консула Гая Фламиния еще до начала своего должностного срока (*Liv.* XXI. 63. 5-11). В этом пассаже Ливий трижды в разных контекстах упоминает необходимость проведения Латинских празднеств (*Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6). Причем в кратком повторе претензий сенаторов к Г. Фламинию (*Liv.* XXII. 1. 6) Ливий оставил только три обязательных религиозно-политических акта, которыми пренебрег консул, и два из них относятся именно к Латинскому празднеству в целом (Latinis feriis actis) и к его ключевому обряду в частности (sacrificio in monte perfecto). К ним добавлены лишь обеты на Капитолии (votis rite in Capitolio nuncupatis). Несмотря на явно риторическую окраску этого пассажа[20] сам отбор показателен. В хронологически более близком событии неисполнение этой обязанности консулами 43 г. до н.э. Гаем Вибием и Авлом Пансой, спешившими на войну с Антонием, рассматривалось как причина их гибели (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4-5, ср. XLVII. 40. 6), что можно отнести и к Гаю Фламинию. Причем Дион Кассий, отталкиваясь от конкретного рассказа, делает обобщающее утверждение о неблагоприятном для римлян исходе такого пренебрежения во всех случаях (*Dio Cass.* XLVI. 33. 4). Соответственно, при нарушениях ритуала или каких-либо знамениях Латинские празднества повторялись[21], как и любой религиозный ритуал, ради восстановления «мира с богами».

О значимости изучаемого обряда свидетельствует и уникальный случай, известный из капитолийских фаст, о назначении в 257 г. до н.э.

[18] Simón 2011: 126 (n. 94); 131-132.

[19] *Liv.* XXI. 63. 5; 8; XXII. 1. 6; XXV. 12. 1-2; XXXVIII. 44. 8; XLII. 35. 3; XLIII. 15. 3; XLIV. 19. 4; 22. 16; *Dio Cass.* XLVI. 33. 4.

[20] Есть сомнения по поводу достоверности приписывавшихся Г. Фламинию нарушений. В частности, Латинское празднество в том году состоялось, причем до гибели Г. Фламиния, что засвидетельствовано в фастах (CIL. I. 2ed: 57=VI. № 2012): Wernerus 1888: 20, adn. 2. Впрочем, участвовал ли он сам в них, остается под вопросом.

[21] *Cic.* Ad Q. fr. II. 4a. 2; *Liv.* V. 17. 2-3; XXXII. 1. 9; XXXVII. 3. 4; XL. 45. 2; XLI. 16. 1-5; 7; *Plut.* Camil. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 30. 4.

диктатора специально для проведения Латинских празднеств (Latinarum feriarum causa: CIL. I. Ed. 2. P. 24). Это т.н. диктатура с «ограниченным правом» (imminuto iure), чьей задачей было исполнение важных религиозно-политических актов. Известны назначения диктаторов для учреждения празднества, проведения религиозных игр, для совершения ритуала «вбития гвоздя» и особенно часто для проведения выборов новых высших магистратов. Все это функции из консульской компетенции, которые по каким-то причинам не могли быть проведены обычным порядком. Что могло помешать консулам 257 г. до н.э. совершить необходимые жертвоприношения на Альбанской горе – совершенно не ясно, ибо год был довольно спокойный, несмотря на шедшую Первую Пуническую войну, а один из консулов (Гн. Корнелий Блазион), возможно, даже провел его в Риме[22], Как бы то ни было, назначение диктатора для проведения Латинских празднеств свидетельствует об их особой религиозно-политической значимости, подобно другим случаям назначения диктаторов imminuto iure. Это единственное назначение находит параллель в первой диктатуре Цезаря (49 г. до н.э.). Тогда он в качестве диктатора провел Латинские празднества (*Caes.* BC. III. 2. 1), по-видимому, вместо консулов, бежавших вместе с Помпеем. Считается, что в 49 г. до н.э. имела место диктатура comitiorum habendorum et feriarum Latinarum causa, хотя официальная титулатура в фастах не сохранилась.

Назначение специального диктатора для Латинского празднества при наличии консулов указывает, что важен был сам факт осуществления этого ритуала, а не конкретный исполнитель – в полном соответствии с высказанной выше гипотезой о сакрализации в Риме власти, а не ее носителей. В пользу этого, казалось бы, говорит общепринятое в историографии мнение, что в исключительных случаях праздник мог осуществить и один из консулов[23]. Но все же следует признать, что однозначные свидетельства относятся только к четырем консульствам Августа, когда новые условия вполне могли допустить некоторые вольности в исполнении древнего культа. Свидетельство Ливия, на которое ссылаются исследователи, упоминает благодарственное празднование Латинского ритуала[24] в 169 г. до н.э. в честь одержанной победы, а не собственно обряд в начале консульского года (*Liv.* XLV. 3. 2). Впрочем, возможность проведения Латинских празднеств именно с такой целью (*Liv.* XLV. 3. 2; *Dio Cass.* LV. 2. 5) может служить дополнительным аргументом в пользу значимости ритуала, а не личности.

Важная роль Латинских празднеств в сакральной легитимации власти в Риме не вызывает сомнений. Но, на наш взгляд, их значение было гораздо шире. Ряд обстоятельств связывали Рим и Лаций, Капитолий и

[22] Münzer 1900.

[23] Wernerus 1888: 30-31; Samter 1909; Grandazzi 2008: 577-578 (n. 221); 583; Simón 2011: 125.

[24] К тому же не все издатели признают здесь наличие указания на Латинское празднество. См.: Livy 1951: 254.

Альбанскую гору, Юпитера Капитолийского и Юпитера Латинского[25]. И в первую очередь ауспиции[26], право на которые являлось религиозной основой магистратской власти в Риме. Капитолийский холм как самая высокая точка Рима занимал особое место в теории и практике ауспиций: важнейшие из них проходили именно здесь. На одной из его вершин (Arx) находился auguraculum[27] – место, специально предназначенное для авгурских гаданий, а напротив – еще один auguraculum, на отроге Квиринала под названием Latiaris (*Varro.* LL. V. 52). Такой же эпитет имели и почитавшийся на Альбанской горе Юпитер[28], и Латинский праздник[29], и, возможно, сама гора[30]. Ось авгурских наблюдений при гадании протягивалась от Капитолия как раз к Альбанской горе[31], самой высокой точке центрального Лация, объединяя две вершины (и двух Юпитеров, Капитолийского и Латинского) в единое сакральное целое[32].

Еще один ритуал с ауспикальными коннотациями связывал две возвышенности, Капитолийскую и Альбанскую – церемония триумфа[33]. Военачальник имел право осуществить триумф в силу своего империя, если одержал победу под собственными ауспициями, т.е. был верховным главнокомандующим. Обряд имел очень древние корни. Конечным пунктом триумфальной процессии в Риме был Капитолий. Но в 231 г. до н.э. консул Г. Папирий Масон, не получив согласия сената на триумф, провел его самостоятельно в силу полномочий своего империя на Альбанской горе[34], которая стала конечным пунктом его триумфальной процессии. Хотя такой триумф (альбанский) был менее торжественным и значимым (*Polyb.* VI. 15. 7-8) – хотя бы потому, что проходил не на глазах жителей Рима, – и просуществовал этот обычай относительно недолго (последний известный случай относится к 172 г. до н.э.[35]), тем не менее, он вносился в триумфальные фасты (сохранились упоминания за 231, 197 и 172 гг. до н.э.). Такое признание дает основания для предположения о том, что первоначально триумфальное шествие направлялось

[25] О некоторых общих моментах см.: Wissowa 1912.

[26] Подробный анализ ауспикального значения Альбанской горы с рядом смелых гипотез см.: Grandazzi 2008: 608-613.

[27] *Fest:* 17L, s.v. auguraculum

[28] *Liv.* XXI. 63. 8; *Lucan.* Phars. I. 198; *Suet.* Cal. XXII. 2; *Dio Cass.* LIX. 28. 5; *Serv.* auct. Ad Aen. XII. 135; CIL. XIV. № 2227 etc.

[29] *Cic.* Ad Q. fr. II. 4. 2; *Dio Cass.* XLVII. 40. 6; *Macr.* Sat. I. 16. 6.

[30] *Cic.* Pro Mil. 85. Хотя эпитет в этой фразе может относиться к Юпитеру, а не к горе.

[31] Grandazzi 2008: 599 (n. 314); 608-609 (n. 360); Pl. 20 (схема иллюстрирующая ориентацию на Альбанскую гору знаменитого мраморного плана Рима эпохи Северов Forma Urbis). См. также связанный с этим судебный казус: *Val. Max.* VIII. 2. 1.

[32] Simón 2011: 127-128; Smith 2012: 276.

[33] Wissowa 1912. S. 125.

[34] CIL. I. 2ed: 173 (с указанием, что это «первый» (primus) триумф на Альбанской горе); *Val. Max.* III. 6. 5; *Plin.* NH. XV. 126. Ср.: *Fest:* 131L, s.v. murtea corona.

[35] CIL. I. 2ed: 175; *Liv.* XLII. 21. 6-7. Другие альбанские триумфы: М. Клавдия Марцелла в 211 г. до н.э. (*Liv.* XXVI. 21. 6; *Val. Max.* II. 8. 5; *Plut.* Marcel. 22; De vir. ill. XLV. 6) и Кв. Минуция Руфа в 197 г. до н.э. (CIL. I. 2ed: 174; *Liv.* XXXIII. 23. 3). Обобщающее замечание: *Liv.* XLV. 38. 4.

на Альбанскую гору, позже послужив образцом для собственно римского триумфа[36]. И опять же мы видим религиозную связь с политическими коннотациями, которая объединяет обе вершины в единое целое.

Для осуществления триумфа требовался особый тип ауспиций – «военные ауспиции» (auspicia militiae). Их получали магистраты с империем (т.е. полководцы) для ведения войны. И действовали эти ауспиции вне померия, в отличие от городских ауспиций (auspicia urbana), распространявшихся на территорию внутри него[37]. Двуединость консульского права на ауспиции, на первый взгляд, соответствовавшая двуединой целостности авгурского наблюдения на Капитолии и Альбанской горе, породила привлекательную гипотезу, которую предложил А. Грандацци и поддержал Фр. Марко Симон. По их мнению, после осуществления городских ауспиций (auspicia urbana) на Капитолии, в результате чего инавгурировалась власть над Римской республикой, новый консул должен был совершить вторую ауспикацию на Альбанской горе, чтобы инавгурировать свой империй над ager Latinus, т.е. над территорией, которая долгое время символизировала внешний мир для Города[38].

При всей привлекательности этой гипотезы все же нельзя не признать, что право на империй и ауспиции консулы обретали непосредственно в Риме, а уже в силу этих полномочий осуществляли Латинское празднество. В своих исследованиях я пришел к выводу, что право на ауспиции появлялось в ходе двух ауспикальных процедур на электоральных комициях (перед их началом и при объявлении победителей)[39]. Но до момента вступления в должность новых магистратов их право на ауспиции находилось в «спящем» виде. Оно автоматически активировалось в день вступления в должность, но для полной легитимации власти требовалось совершить ряд действий – они заключались в практическом применении права на ауспиции. Начинался первый день должности с совершения традиционных ауспиций для получения одобрения богов действиям консулов в данный день[40]. Прямо об этом сообщает только один греческий автор, но получение ауспиций перед каждым важным делом было обязательным правилом римской политической практики. Затем консулы с соответствующими молениями посещали храм Юпитера Капитолийского, где приносили в жертву быков во исполнение обета предыдущих магистратов[41]. Видимо, тогда же по печени принесенных в жертву быков они по отдельности гадали о своем консулате[42]. Также

[36] Simón 2011: 118, n. 21.
[37] *Varro*. LL. V. 143; Messala ap. *Gell*. XIII. 14. 1.
[38] Grandazzi 2008: 610; Simón 2011: 125 (cf. 132). Фр. Марко Симон вынес эту идею даже в заглавие написанной им главы, посвященной Латинскому празднеству: «Feriae Latinae как религиозная легитимация консульского империя».
[39] Сморчков 2012: 63-106.
[40] *Dionys*. II. 6. 1-3. Ср.: *Cic*. Div. II. 74; *Ovid*. Ep. ex Ponto. IV. 4. 38.
[41] *Liv*. XXI. 63. 7-8; *Ovid*. Fast. I. 79-84; Ep. ex Ponto. IV. 4. 29-32; 9. 5; 29-30; 49-50; *App*. BC. III. 50.
[42] *Liv*. XLI. 14. 7; 15. 1-4. Ср.: *Liv*. XLII. 28. 7; 30. 8; *Cic*. De leg. agr. II. 93.

после совершения ауспиций консулы собирали сенат на первое заседание и созывали куриатные комиции для проведения закона о своем империи[43]. И только затем проводилось Латинское празднество, завершая серию актов, сопровождавших вступление консулов в должность.

Вариант гипотезы Грандацци-Симона – идея Хр.Дж. Смита о военном контексте Латинского празднества: оно выступало как параллель куриатному закону об империи, без которого магистрат не мог праздновать триумф[44]. Видимо, речь идет о получении полномочий действовать вне померия. По мысли Смита, империй римских магистратов вследствие двух актов включал в себя власть над Римом (по куриатному закону), полномочия вне Города (в результате обрядов на Альбанской горе) и право на триумф. Однако куриатный закон являлся скорее актом политическим с религиозными коннотациями (без них немыслим в Риме никакой политический акт), а ритуал на Альбанской горе – религиозным с политическими коннотациями, это разные процедуры, как и их результаты, а потому их сопоставление не вполне оправдано. Уже упоминалось отсутствие куриатного закона в перечне «прегрешений» Гая Фламиния у Ливия, хотя этот закон он не проводил, так как до своей гибели в Риме так и не появился. Куриатный закон не провели консулы 54 г. и 49 г. до н.э., из-за чего впоследствии столкнулись с проблемами политического характера[45]. Но нигде нет даже намека на нарушение тем самым «мира с богами», что имело место в случае нарушения процедуры Латинского празднества и, тем более, полного игнорирования этого ритуала. Что касается права на триумф, то неизвестно, насколько наличие куриатного закона было обязательным условием. Этот вывод скорее вытекает из общих логических соображений (вполне убедительных), но доподлинно известно, что религиозной основой права на триумф являлись «военные» ауспиции[46], о которых Смит вообще не упоминает, а эти ауспиции магистраты получали внутри померия, очевидно, на Капитолии[47]. Ведь при пересечении померия внутрь сакрального пространства города Рима магистраты теряли ауспиции и империй[48], предоставленные для действий вне его, а значит, они теряли и основанное на этих полномочиях право на триумф[49]. Таким образом, и для Альбанского триумфа религиозно-правовые основания магистрат обретал в Риме.

[43] Сморчков 2012: 47.
[44] Smith 2012: 276-278.
[45] Сморчков 2012: 41; 48; 95.
[46] Анализ см.: Сморчков 2014: 205-217.
[47] *Liv.* XXI. 63. 9: …auspicato profectus in Capitolium ad vota nuncupanda, paludatus inde cum lictoribus in provinciam iret (ср. 7). Возможно, о том же говорится в цитате из сочинения автора I в. до н.э. Цинция: *Fest:* 276L, s. v. praetor.
[48] См. показательную историю 215 г. до н. э.: *Liv.* XXIV. 7. 10–9. 3 (особ. 9. 1-2, ср. 7. 11). См. также: D. I. 16. 16; *Cic.* Ad fam. I. 9. 25; Ad Att. VII. 7. 4; *Liv.* XXVI. 9. 10; 21. 5 (ср. 1); XLV. 35. 4; *Dio Cass.* XXXIX. 63. 4 (ср.: ibid. 65. 1; XL. 50. 2; XLI. 3. 3; 15. 2; 16. 1; LV. 8. 1-2).
[49] Самый известный пример относится к Цезарю: *Suet.* Caes. 18; *Plut.* Caes. 13; Cato Min. 31; *App.* BC. II. 8; *Dio Cass.* XXXVII. 54. 1-2.

На мой взгляд, ауспикальная связь Капитолия и Альбанской горы имела не бинарный характер, как предполагают гипотезы, согласно которым ритуалы дополняли друг друга, создавая сакральную основу магистратской власти в двух областях (внутренней и внешней). Связь этих обрядов – важных элементов магистратской инвеституры – была линейной, а линия состояла из трех элементов, объединенных теорий общественных ауспиций. Третьим был еще один ритуал, также осуществляемый в Лации за пределами городской территории Рима в начале консульского срока: консулы (а также преторы и диктаторы) совершали священнодействия (rem divinam faciunt) Пенатам и Весте в городе Лавинии[50]. Возможно, эти же магистраты осуществляли их и при сложении полномочий (*Serv.* auct. Ad Aen. II. 296), но здесь не исключена ошибка переписчика, поскольку информация весьма схожа, а сказуемые (adeunt/abeunt) отличаются лишь одной буквой[51]. В ритуалах в Лавинии участвовали также понтифики и фламины (*Serv.* Ad Aen. I. 239; VIII. 664).

По преданию, Лавиний был основан Энеем[52]. Здесь обнаружен героон IV в. до н.э., посвященный, согласно нарративной традиции, Энею (*Dionys.* AR. I. 64. 1). В нем находится могила VII в. до н.э., а рядом с Лавинием найдена надпись «Lare Aenia d(ono)» («в дар Лару Энею»)[53]. В Лавинии Эней поместил троянские Пенаты, так что этот город стал религиозной метрополией Рима[54], его религиозным «сердцем». Впрочем, не только для Рима, но и для всего Лация, как следует из надписи эпохи императора Клавдия (CIL. Vol. X. № 797: sacra principia populi Romani Quiritium nominisque Latini quai apud Laurentis[55] coluntur). Религиозное значение Лавиния обусловливалось тем, что троянские Пенаты так и остались в нем: по легенде, две попытки перенести их в Альба Лонгу, основанную сыном Энея Асканием-Юлом, оказались неудачными, ибо Пенаты неизменно сами возвращались в Лавиний[56]. Так что ритуалы в Лавинии и в Альба Лонге имели между собой некоторую легендарную связь, о которой упоминает Ливий в составленной им речи Камилла (*Liv.* V. 52. 8). Но, возможно, они были связаны и хронологически, т.е. их проводили друг за другом (сначала Латинский праздник)[57]. Насколько строго обязательны были ритуалы в Лавинии – сказать слож-

[50] *Liv.* V. 52. 8; *Macr.* Sat. III. 4. 11; *Serv.* Ad Aen. III. 12. Ср. легендарное жертвоприношение Ромула и Тита Тация в Лавинии (*Liv.* I. 14. 2; *Dionys.* AR. II. 52. 3; *Plut.* Rom. 23) и неудачное жертвоприношение там же консула 137 г. до н.э. Г. Гостилия Манцина (*Liv.* Per. 55; *Val. Max.* I. 6. 7; *Obs.* 24).

[51] Историографию и анализ вопроса см.: Pina Polo 2011: 105-106.

[52] Краткий, но содержательный обзор религиозного значения и сакральных мест Лавиния см. опубликованную лекцию: Malavolta 2016.

[53] CAH 2008: 60-61. О проблемах, связанных с прочтением надписи, см.: CAH 2008: 61, n. 7; Malavolta 2016: 4. Фотографии надписи и героона: Malavolta 2016. Fig. 3; 20; 21.

[54] *Varro.* LL. V. 144 (nam ibi dii Penates nostri); *Plut.* Coriol. 29.

[55] Лаврент – другое название Лавиния: Philipp 1924. Sp. 1008-1009.

[56] *Dionys.* AR. I. 67. 1-2; *Val. Max.* I. 8. 7; *Aur. Vict.* Or. gent. Rom. XVII. 2-3; *Serv.* auct. Ad Aen. III. 12.

[57] Pina Polo 2011: 107.

но, в отличие от Альбанской церемонии, совершение которой не раз подчеркивалось как непременное условие легитимации высшей власти. Ливий практически молчит по этому поводу, упомянув обряды в Лавинии лишь два раза и без указания на связь со вступлением в должность, в контексте рассказа о правлении легендарного Ромула и в сочиненной им речи Камилла в перечне религиозных устоев Рима (*Liv*. I. 14. 2; V. 52. 8). Впрочем, и важнейший элемент легитимации высшей власти – куриатный закон об империи – в сохранившейся части его труда упомянут лишь один раз, и то в связи с необычной ситуацией (дурное предзнаменование) при получении власти диктатором (*Liv*. IX. 38. 15; 39. 1). Так что вопрос о значимости Лавинийского празднества остается открытым.

При всех высказанных сомнениях предстает весьма интересная картина пространственного переноса права ауспиций, краеугольного в римской религиозно-политической организации. В традиции изначальным местом их бытования являлся Лавиний, наследником которого стала Альба Лонга, а ей, в свою очередь, наследовал Рим. Ауспиции, получаемые магистратом в Риме, служили основой его действий и внутри (напрямую), и вне Рима (через получение в Риме же военных ауспиций), не нуждаясь в дополнительном подтверждении на внешней территории. Но это не отменяло важного значения происхождения ауспиций, их метрополии. В итоге Рим не замещал, а продолжал сакральную традицию, став в религиозно-политическом отношении «Третьим Лавинием». Другими словами, не было противопоставления «Рим–Лаций», а только единое пространство, внутри которого перемещался религиозно-политический центр. При таком взгляде италийская основа римской государственности выявляется в новом свете и гораздо полнее.

Таким образом, ритуалы вне Рима в начале административного года представляют собой движение и в мифологическом, и в реальном пространстве к сакральным истокам римского государства (из Рима через Альба Лонгу в Лавиний). Древний миф закреплялся в религиозно-политическом ритуале, обеспечивая его удивительную живучесть даже тогда, когда его политическое значение потеряло свою актуальность. Ведь эти обряды, восходящие к латинскому единству, продолжали соблюдаться и после ликвидации римско-латинского союза в 338 г. до н.э., и даже после краха Республики. Одним консерватизмом религиозно-политической сферы это не объяснишь, тем более что осуществление их занимало значительное время в рамках консульского года. Римляне умели находить формально удовлетворительное решение для тех религиозных обычаев, которые не вписывались в новые политические реалии. Но в данном случае Латинское празднество оказалось тесно связанным с мифологическим прошлым Рима, став неотъемлемой частью римского самосознания. Это прошлое оставалось неизменным при всех политических переменах и революциях, воплощаясь и обретая актуальность в ритуалах праздника и в маленькой общине, и в державе эпохи Республики, и в монархическом Риме.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Сморчков А.М. Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. М.: РГГУ, 2012. 602 с. [Smorchkov A.M. Religiya i vlast' v Rimskoy Respublike: magistraty, zhretsi, khramy. M.: RGGU, 2012].

Сморчков А.М. Ауспиции и триумф: казус П. Корнелия Сципиона (206 г. до н.э.) // Lanterna nostra. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк. СПб.: Алетейя, 2014. С. 205-217. [Smorchkov A.M. Auspitsii i triumph: kazus P. Korneliya Stsipiona (206 g. do n.e.) // Lanterna nostra. K yubileyu Ii Leonidovny Mayak. SPb.: Aleteya, 2014. S. 205-217].

CAH (Cambridge Ancient History). Vol. 7. P. 2. Cambridge: C.U.P., 2008. 771 p.

Grandazzi A. Alba Longa, histoire d'une légende. Recherches sur l'archéologie, la religion, les traditions de l'ancien Latium. 2 vol. Rome: École française de Rome, 2008. 988 p.

Livy. LCL. Vol. XIII. Cambr., Mass.: Harvard University Press, 1951. 425 p.

Malavolta M. Lavinium: la prima Roma, 2016. 33 p.

Münzer. Cornelius (№ 73) // RE. Halbbd. 9. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1900. Sp. 1271-1272.

Philipp. Lavinium // RE. Halbbd. 23. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1924. Sp. 1007-1012.

Pina Polo Fr. Consuls as *curators pacis deorum* // Consuls and *Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 97-115.

Samter E. Feriae Latinae // RE. Bd 6. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1909. Sp. 2213-2216.

Simón Fr. M. The *Feriae Latinae* as religious legitimation of the consuls' *imperium* // Consuls and *Res publica* / Ed. by H. Beck [et al.]. Cambridge: C.U.P., 2011. P. 116-132.

Smith Chr. J. The *Feriae Latinae* // Greek and Roman Festivals: Content, Meaning and Practice. Ed.s J. R. Brandt and J. W. Iddeng. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 267-288.

Stassi S. La presenza del sacro nel territorio albano // *Res sacrae.* Santuari e luoghi di culto nei colli albani. Atti del XXXI Corso di Archeologia e Storia Antica del Museo Civico Albano. Albano Laziale (Roma), 2014. P. 7-26.

Wernerus Chr. De feriis Latinis. Leipzig: Coloniae typis J.P. Bachemii, 1888. 63 p.

Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. Aufl. 2. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1912. 612 S.

Сморчков Андрей Михайлович, *доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира, Институт восточных культур и античности РГГУ и ВШЭ; профессор кафедры всеобщей истории РАНХиГС, smorchkovtuber@yandex.ru*

Mythological tradition and sacral legitimation of Roman magistrates' power

This article analyzes the rituals, which took place outside Rome, on the Alban Mount and at Lavinium, but were related to the inauguration of the higher Roman magistrates. Relationship between the rituals, that were carried out in Rome and outside the city, was based on the right of auspices, which was the religious foundation of magistrates' power in Rome. Rituals put into practice outside Rome at the beginning of the administrative year represent the motion both in mythological and real space, going back to the sacral origins of the Roman state (from Rome via Alba Longa to Lavinium). Thus, ancient myth, an integral part of the Roman identity, was fixed in the religious and political ritual, in its turn providing an amazing vitality of the rituals themselves even when their political significance had lost any relevance.

Keywords: ancient Rome, magistracy, legitimation of authority, auspices, myth, Latin festival, Lavinium

Andrei Smorchkov*, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, Russian State University for the Humanities and Higher School of Economics; Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, smorchkovtuber@yandex.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

History and Theory

Alexander A. Lukashevich
The principle of double historization in source studies…… 5
Ivan Nokhrin
The Idea that Created Modernity: Liah Greenfeld's theory of Nationalism…… 19
Sergey Zanin
Communicative function of utopia…… 33

Intellectual History Today

Alexander Onosov
Ideological hyperspace of Russian cosmosophy: V.N. Karazin……. 47
Aleksei Viazinkin
The Problem of sovereign personality in ideological heritage of N.K. Mikhaylovsky……... 62

Images, Myths, Symbols

Andrei Smorchkov
Mythological tradition and sacral legitimation of Roman magistrates' power……. 78
Natalya Bikeyeva
Rethinking an early medieval image of a saint
St. Radegund's Life by Hildebert of Lavardin……....…….. 89
Svetlana Malysheva, Alla Salnikova
"Lenin's Myth" in the Historical Memory and Corporate Culture of Kazan University…… 101

History through Personality

Ksenia Bespalova
"You haven't seen the communism in the yours eyes, and me,
I not only seen and lived ten years at it, but I also build it!"…….. 116
Dmitry Shmelev
François Mauriac, Russian revolution and communism……. 126
Irina Krayneva
Isidor Borisovich Rumer: Pages of biography…… 140

History of Historiography

Dmitry Martynov
Zhang Binglin, Gu Jiegang and the "Historiographic Revolution" in China…….. 156
Yervand Margaryan
An episode in the history of British Studies of the Hellenism……... 169
Temurmalik Kholmatov
The Classicization of S.B. Veselovskiy's heritage……. 185

History of Science and Education

Sofya Lim
The democratic movement at universities of Japan (1918–1932)……. 197
Ilya Sidorchuk
The establishment of late Stalinist science in the Lithuanian SSR (1945–1953)……. 214
Rafael Valeev, Rimma Valeeva
Formation of Kazan archaeological school and its role in the development
of the system of historical and cultural heritage preservation of Russia and Tatarstan…….. 229

Crossroads of Interdisciplinarity

Sergey Kondratiev
Law, royal power, Magna Carta and legal routine in the reading of Robert Snagg (1581)… 240
Andrey Karagodin
Books as an object of "conspicuous consumption" an exercise in comparative history……. 253
Lydia A. Sychenkova
On the origins of iconographic method: artistic and scientific heritage
of Russian cultural historians of the early 20th century…….. 266
Ekaterina Viliaikina
Unification of the norms of social behavior in the late Victorian period 278
Elena G. Oleynikova
Stalingrad after the Second World War in the opinion
of John Steinbeck: social reality and plans of development…… 286
Sergey Buranok
Solutions to the “Japanese question” in the USA during the Japanese-Chinese conflict…..... 298
Yaroslav Levin
On the Way to Understanding:
the Formation of the Perception of Decolonization of South-East Asia in the CIA…….. 310

Historical Essays

Irina Boldyreva
Anglo-Saxon Monastic Women in the 7–8th Centuries……... 321
Tatiana Labutina
Private life of Catherine II in the descriptions of British ambassadors……... 338
Olga Solodyankina
Bureaucratic, scientific and gender discourses of the archival “case of ugly chicken”…….. 353
Alexei Vovk
The “Union of Friends of the Soviet Motherland”, 12, de Buci street, Paris……. 363
Stanislav Malkin
«Irish war» and Colonial Control (British Military Thought during the Interbellum)……... 376

Reading books…

Liudmila Ivonina
Presentation of Europe…… 389
Vladimir Gutorov, Aleksandr Shirinyants
On the new “historical reading” of the liberal tradition…….. 398

Publications and Translations

Ksenia Gersh, Artem Klyuev, Anton Sveshnikov
An unknown article by Ivan M. Grevs…… 407

Events

Nadezhda Selunskaya, Natalya Selounskaya
Witnesses, hostages, heirs, exiles of the Empire
Path dependence of Russian intellectual culture……. 421

CONTENTS……..... 428

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

А.А. Лукашевич
Принцип двойной историзации в источниковедении……. 5
И.М. Нохрин
Идея, которая создала современность: теория национализма Лии Гринфелд……. 19
С.В. Занин
Коммуникативная функция утопии……..... 33

Интеллектуальная история сегодня

А.А. Оносов
Идейное гиперпространство русской космософии: В.Н. Каразин…… 47
А.Ю. Вязинкин
Проблема суверенной личности в идейном наследии Н.К. Михайловского…… 62

Образы, мифы, символы

А.М. Сморчков
Мифологическая традиция
в сакральной легитимации римской магистратской власти……... 78
Н.Ю. Бикеева
Переосмысление раннесредневекового образа святой
Житие св. Радегунды Хильдеберта Лаварденского…… 89
С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова
“Ленинский миф” в исторической памяти и
корпоративной культуре Казанского университета……... 101

История через личность

К.А. Беспалова
«Вы коммунизма в глаза не видели, а я не только видел и жил десять лет при нем,
но я его еще и строил!»: Марсель Боди о пребывании в России……..... 116
Д.В. Шмелев
Франсуа Мориак, русская революция и коммунизм…….. 126
И.А. Крайнева
Исидор Борисович Румер: страницы биографии…… 140

История историографии

Д.Е. Мартынов
Чжан Бин-Линь, Гу Цзе-Ган и “историографическая революция”……..…… 156
Е.Г. Маргарян
Из истории британских исследований эллинизма…….. 169
Т.К. Холматов
Классикализация научного наследия С.Б. Веселовского..... 185

Из истории науки и образования

С.Ч. Лим
Демократическое движение в университетах Японии (1918–1932)…… 197
И.В. Сидорчук
Утверждение позднесталинской науки в Литовской ССР (1945–1953)…….. 214
Р.М. Валеев, Р.Р. Валеева-Хакимова
Формирование Казанской археологической школы и ее роль в развитии
системы охраны историко-культурного наследия России и Татарстана…… 229

Перекрестки интердисциплинарности

С.В. Кондратьев
Право, королевская власть, Великая хартия вольностей и правовая рутина
в лекциях Роберта Снегга (1581)……..... 240
А.В. Карагодин
Книги как предмет «показательного потребления»
опыт компаративной истории (на примере библиотек Н.С. Мальцова и И. Физия)….. 253
Л.А. Сыченкова
У истоков иконографического метода: художественное и научное наследие
российских историков культуры начала XX века…….. 266
Е.Ю. Виляйкина
Унификация норм общественного поведения
в поздневикторианский период……..... 278
Е.Г. Олейникова
Послевоенный Сталинград глазами Джона Стейнбека
социальная действительность и планы развития……..... 286
С.О. Буранок
Модели решения «японского вопроса» в США
в период японо-китайского конфликта……..... 298
Я.А. Левин
На пути к пониманию: формирование в ЦРУ
восприятия процесса деколонизации в Юго-Восточной Азии……..... 310

Исторические этюды

И.И. Болдырева
Англосаксонское женское монашество в VII–VIII вв……..... 321
Т.Л. Лабутина
Частная жизнь Екатерины II в описаниях британских послов……..... 338
О.Ю. Солодянкина
Бюрократический, научный и гендерный дискурсы
архивного «дела об уродливой курице»…… ……..... 353
А.Ю. Вовк
«Союз Друзей Советской Родины», Париж, улица де Бюси, 12……... 363
С.Г. Малкин
«Ирландская война» и колониальный контроль
(британская военная мысль Интербеллума)……..……..... 376

Читая книги…

Л.И. Ивонина
Презентация Европы…….. 389
В.А. Гуторов, А.А. Ширинянц
О новом «историческом прочтении» либеральной традиции.……..... 398

Публикации и переводы

К.В. Герш, А.И. Клюев, А.В. Свешников
Неизвестная статья И.М. Гревса...……..... 407

Научная жизнь

Н.А. Селунская, Н.Б. Селунская
Свидетели, заложники, наследники, изгнанники Империи
Path dependence русской интеллектуальной культуры……. 421

CONTENTS……..... 428

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 74 / 2021

Поиск DOI: http://search.rads-doi.org/index.php/ ; http://www.doi.org/

А.А. Лукашевич
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.033
И.М. Нохрин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.034
С.В. Занин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.001
А.А. Оносов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.002
А.Ю. Вязинкин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.003
А.М. Сморчков
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.004
Н.Ю. Бикеева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.005
С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.006
К.А. Беспалова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.007
Д.В. Шмелев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.008
И.А. Крайнева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.009
Д.Е. Мартынов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.010
Е.Г. Маргарян
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.011
Т.К. Холматов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.012
С.Ч. Лим
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.013
И.В. Сидорчук
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.014
Р.М. Валеев, Р.Р. Валеева-Хакимова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.015
С.В. Кондратьев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.016
А.В. Карагодин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.017
Л.А. Сыченкова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.018
Е.Ю. Виляйкина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.019
Е.Г. Олейникова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.020
С.О. Буранок
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.021
Я.А. Левин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.022
И.И. Болдырева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.023
Т.Л. Лабутина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.024
О.Ю. Солодянкина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.025
А.Ю. Вовк
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.026
С.Г. Малкин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.027
Л.И. Ивонина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.028
В.А. Гуторов, А.А. Ширинянц
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.029
К.В. Герш, А.И. Клюев, А.В. Свешников
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.030
Н.А. Селунская, Н.Б. Селунская
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.74.74.031

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91 Web-стр.: http://roii.ru/about Эл. почта: dialogue.time@yandex.ru

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 30.
Тираж 600. Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист».
Москва, Волгоградский пр., д. 42, стр. 5. info@onebook.ru ; www.onebook.ru
Тел.: +7 (495) 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ);
включен в диссертационный перечень ВАК по специальности история;
в базы данных SCOPUS (с 2016 г.); WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI])
(с декабря 2017 г.). Подписной индекс: 36030
Полные электронные версии статей представлены на сайте: http://roii.ru/publications/dialogue
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.). Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624